

Руслан Смородинов

Тамара вышла замуж

Тамара вышла замуж. Вдруг. То есть “вдруг” — для меня. Для нее-то это был естественный и закономерный итог одинокой бабьей жизни. А для меня — вдруг. Я почему-то считал, что эта женщина должна принадлежать только мне. С годами я становлюсь все более бессовестным.

Вышла замуж и — уезжает в Канаду. Ее новоиспеченному мужу предложили там работу. Видел я его — то ли программист, то ли электронщик. Взъерошенный такой.

Свадьба состоялась чуть больше месяца назад. В кафе “Орленок”. Я, кстати, тоже был приглашен, но не пошел. Боялся вспылить. А вспылчивый — я очень быстро напиваюсь.

Знаю я эти свадьбы. “Горько! Горько!” Кому-то — сладкие губы, а кому-то — действительно горько...

Тамара вошла в мою жизнь четыре года назад. Нет, уже пять. Почти пять. Она работала врачом в одном из специфических медицинских учреждений...

... — Фамилия?

— У вас же мой паспорт в руках.

— Фамилия?

— Смородинов.

— Имя?

— У вас же мой паспорт...

— Имя?

— Навуходоносор, — отвечаю.

— Не хамите здесь!

— Зачем же вы мне глупые вопросы задаете?

— Все ясно... Саша! — позвала она санитаров.

Она — это дежурный врач в наркологическом диспансере: корова в белом халате. Лет пятьдесят — и с химией.

Вошел Саша — санитар. По возрасту — мой ровесник; по комплекции — нет.

— Забирай его, Саш. Он невменяем. К тому же — хам.

— Хам — это библейский сын Ноя, — умничаю я некстати.

— Пошли, — говорит мне Саша.

В раздевалке он мне выдал пижаму сомнительного цвета.

— Зря ты с врачом ругаешься... Ты же вроде не буянил...

— Зачем же я буду буяннить? — удивляюсь. — Я же сам “неотложку” вызывал.

В палате Саша мне заявляет:

— Я тебя привяжу.

— Это еще зачем?.. Я кусаться не буду.

— Тебе сейчас капельницу поставят. Систему. Ты уснешь, а во сне можешь рукой пошевелить и поранить иголкой вену.

— Ладно...

Санитар достал подвязки, привязал мне руки к койке.

— Саш, — кричу ему вслед, — ты журнал не выписываешь?

— Какой?

— “Для тех, кто вяжет”.

— Ты мне нравишься, — сказал санитар и ушел.

Сороковатка плохо освещала палату, а взгляд мой и без того был отягощен похмельем. Единственное, что подавало надежды, — выкрашенные в апельсиновый цвет стены.

Вошла медсестра с капельницей.

— Смородинов, чего ж ты с врачом ругаешься? — спрашивает она, прокалывая мне вену.

— Я не ругаюсь, я острою.

— В твоём-то состоянии — только и острить. Всего колотит с похмелья.

— Это не с похмелья, это от смеха.

— Врач записала в “истории”, что ты невменяем. Тебя могут надолго здесь задержать. Почему не стал отвечать на вопросы?

— Я на дурные вопросы не отвечаю.

— Пойми, это тест.

— “Какое сегодня число?” — это тест?

— Тест. У нас девяносто процентов поступающих не могут назвать дату.

— Куда же, — спрашиваю, — я попал?!

— Вот видишь, на этот вопрос ты ответить не можешь.

— Могу, — возражаю, — я в раю, а вы архангел. С зелеными глазами.

— Руслан, — назвала она меня по имени, — сейчас под системой тебе легче станет. Спи.

— Подождите, — говорю, — у вас такие красивые малахитовые глаза... Посиди со мной.

— Спи, — строго сказала она. — У меня вас пятьдесят человек, алкоголиков, а я одна.

Но выходя из палаты, она улыбнулась:

— Ты бы хоть бороду расчесал.

— Я согласен на бритье, — отвечаю, но сестра уже ушла.

Система начала действовать, и я вскоре уснул...

... Тамара уезжала в Канаду. Позвонила мне вчера:

— Руслан, я уезжаю.

— Знаю. Поклонись от меня канадскому кленовому листу.

— Ну ты же придешь попрощаться?

— А надо?

— Разумеется. А как же иначе?.. Приходи ко мне завтра к девяти. У нас билет на тринадцать пятнадцать. Летим через Москву. В одиннадцать тридцать отходит автобус от “Агентства Аэрофлота”. Можешь подойти к “Агентству”, а там вместе поедем на аэродром. Обязательно приходи.

— А надо?

— Конечно, надо. Ты ко мне придешь или к “Агентству”?

— Том, ты счастлива?

— Счастлива! Очень счастлива... Так ты куда подойдешь?

— К “Агентству”...

... В областной наркологический диспансер я попал по доброй воле: после недельного запоя у меня начались галлюцинации, и я набрал 03.

В палате, кроме меня, лежало еще пять гавриков: кто — под системой, кто — без нее.

Была ночь.

Проснулся я от некоторого неудобства. Смотрю — какая-то пьяная пожилая рожа с разбитым лбом сидит на моих ногах.

— Слушай, — говорю, — ноги затекли.

Рожа в больничной пижаме поднялась.

— Чего надо? — спрашиваю.

— У тебя дрова есть?

— Есть, — отвечаю. — Кубометр.

— Надо печь растопить, а то я замерз.

— Поддувало проверил? Как тяга?

— А куда печь дели?

— Отвезли. В краеведческий музей.

— А-а-а!.. — обрадовался он и пошел из палаты. Причем, как я заметил, в моих туфлях.

— Эй! — кричу вслед, — мурзилка, оставь боты...

Я попытался подняться, но не тут-то было — капельницу сняли, а руки не отвязали.

Хорошее, думаю, начало!

Слышу Сашин голос:

— Брагин! Ты что ж, бля, плитус отрываешь?!

— Мне дрова нужны. Печку растопить... Мерзну.

— Я те щас растоплю! Я те Халкин-Гол устрою. С вулканом.

— А-а-а!.. — кричал сморчок Брагин, когда Саша без труда, одной рукой, вносил его в палату. Держал он его за ворот.

Надо же! — подумал я. Как иногда фамилия соответствует сущности. Брагин...

— Саш, — говорю, — развяжи. В сортир охота.

Когда он меня отвязал, я подошел к Брагину:

— Снимай боты!

— Я думал, это мои.

— Он свои три месяца назад потерял, — смеется Саша.

— Я только сегодня сюда попал, — неуверенно доказывает Брагин...

Захожу в туалет. Там курильщиков — топор повесить негде.

Слышу, один кадр рассказывает:

— Меня сюда жена, сука, упрятала. У нее все слова в винительном падеже. А сама — бревно бревном. Фригидная, как вечная мерзлота...

Потом я узнал, что женщины — одна из главных тем для разговоров в наркологии.

Покурив, возвращаюсь в палату, а там еще одного типа доставили. Лежит, болезный, руки и ноги к койке привязаны. На голове — пакет полиэтиленовый, распространяющий токсикоманию. Ему, как я потом узнал, волосы керосином мыли, вшей вытравливали.

Только я стал засыпать, как этот новенький начал ораторствовать:

— Нина!.. — звал он неизвестно кого — наверно, жену. Или любовницу. — Нина! Я за что-то зацепился. Встать не могу.

— Заткнись! — говорю ему. — Спать мешаешь.

— Где я?

— В морге. Где же еще?

— Я встать не могу.

— Мертвым не положено.

— Меня привязали!

— Конечно.

— Зачем?

— Кастрировать будут.

— А-а-а!! Развяжите меня!

— Спи, заусеница! — начинаю я сердиться.

— Меня — интеллигентного человека — связали! Я Салтыкова, блядь, Щедрина читал!

— А Римского, бля, Корсакова не слушал? А польку-бабочку не танцевал?

— Нина! Я за что-то зацепился!..

— А Петровым, на хер, Водкиным не интересовался?

— Где водка? — насторожился он.

— Тебе нельзя, — говорю, — а то тоже начнешь красных лошадей рисовать.

— Меня Толей зовут.

— Все равно нельзя. Пусть ты даже Абрам.

— Нина!..

Угомонился Толя только под утро...

... Тамара уезжает. Уезжает мой ангел-хранитель. Из скольких запоев она меня вытащила! Сколько она со мною выстрадала! В пике-то я уходил с одними, а выводить из пике приходилось ей. Сутки за сутками, литры за литрами...

И в один из дней желудок отказывается принимать хоть что-либо. Всё, не похмелишься. И начинаешь понимать, что уже на три четверти мертв. И начинаются галлюцинации. Какие-то пошлые хомячки и морские свинки.

В зеркало — смотреть страшно. Глаза — в кровавых ниточках, на голове — копны соломы. С

таким типом и разговаривать не хочется. И мы только стонем вдвоем...

Затем исчезают реальные цвета. Но алкогольный дальтонизм имеет странную природу. Все вокруг не черно-белое, а болотно-червлёное.

Нет сил двигаться, и ты ложишься в постель, предварительно позвонив Тамаре:

— Том...

— Кто это?

— Это я, Руслан.

— Что у тебя с голосом?.. Опять?!

— Да... Приезжай, пожалуйста...

Ты лежишь, и белый сивушный пот окатывает тебя. Ничего, думаешь ты, все пройдет. Если выдержишь и не сдохнешь. А сдохнешь — значит, тоже пройдет...

Ты смотришь на мокрые дрожащие ладони. В ногах шоркает какой-то мерзкий грызун. Под вёками поселилось нечто красное в виде сияния. Надо выдержать!

Приезжает Тамара. Капельница, гемодез, какие-то натрии, гидрохлориды, кальции...

Начинается воскресение...

... — Те, кто поступил вчера и сегодня ночью, — на анализы, — слышу я голос Саши. Он отвязывал Толю.

— Как дежурство? — спрашиваю я у санитаря.

— Нормально. Всего один труп.

— То сеть?

— Мужик в соседней палате ночью кони двинул. Отпилился...

Через несколько минут встал Толя и спрашивает:

— Кто мне в постель нассал?

— Нина, — говорю.

Толя задумался.

— Пойдем, — предлагаю ему, — мыслитель, анализы сдавать.

— Ты кто? — спрашивает он испуганно.

— Здравсьте! — отвечаю. — С легким перегаром! А кто у меня ночью водку спрашивал?

— Где водка?.. Опохмели.

— Тебя Толей кличут?

— Толей.

— Значит, не налью. Вот звали бы Абрамом — налил бы.

— Почему — Абрамом? — на его глазах появились слезы.

Странно я устроен. Сам отдал душу алкогольному черту, а над другими издеваюсь.

— Извини, — говорю, — я ее уже выпил всю...

После сдачи анализов захожу в столовую. На завтрак была овсянка. Кто-то возмущался:

— Что я, Сивка-Бурка, чтобы меня каждый день овсом кормили? Нашли конька Горбунка!..

— Не хочешь, давай я съем, — послышалось с другого стола.

— Нашел дурака! — сказал Сивка и начал уплетать овсянку.

Завтракать я не стал, аппетита не было. Возвратился в палату и вижу, что Толя ползает под койками.

— Водку ищешь? — спрашиваю. — Не ищи. Нет ее.

— Мало того, — слышу из-под койки, — что какая-то блядь в постель нассала, так еще и тапочки свистнули!

— А-а! Тапочки? Это их Брагин надел.

— Кто? — вылез на свет Толя.

— Брагин-Медовухин... А вот и он, — указал я на входящего в палату Брагина. На нем были Толины тапочки.

— Слушай, Медовухин, — подошел к нему Толя, — ты зачем мне в постель помочился? Целое Айвазовское море...

— Это не я, я дрова искал... Мерзну.

— А кто?

— Он, — указал Брагин на меня. — Враг народа.

Я от неожиданности аж на койку сел.

— Кто? — говорю. — Я? Враг народа? Ты че из себя Энгельса строишь? Ты че тут мифы Древней Греции городишь?

— Точно! — обрадовался Брагин. — Скифы Древней Греции. И враги народа.

Толя задумался.

— Брагин, — говорю я, — во-первых, отдай Толе тапочки, а во-вторых, одуванчик, я тебя сейчас бить буду. За дезинформацию.

— Я думал, это мои, — снял тапочки Брагин и заплакал.

Тьфу, думаю, черт! Дурдом!..

... Не пойду я к "Агентству"! Не люблю я эти сопли. Да еще этому взъерошенному руку подавать... Лучше напьюсь. Или схожу к жене. Или то и другое.

"Схожу к жене". Странное выражение. "Схожу к любовнице" — нормально, а вот "схожу к жене"...

Уже три года, как я женат.

Мне было тридцать, и пора было подумать о семье. И я женился. Ничто не смогло помешать этому браку. Ни то, что она была еврейкой. Ни то, что она была старше меня на девять лет. Ни ее сын-старшеклассник (ныне студент филфака).

Сперва она бредила Израилем:

— Уедем. Что здесь делать?

— А там?

— Жить.

Я говорил какие-то банальности о русской душе, о родной земле. Классиков цитировал.

Она парировала любимым ею Лермонтовым:

— "Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ"... Уедем...

— Ты язык-то знаешь?

— Ты меня научишь. Или в киббуце освою.

И я сдался. Начались какие-то собрания в Сохнута. Сборы каких-то документов... Я спрашивал:

— Алия, что ты — водитель троллейбуса — будешь делать в Израиле? Там нет троллейбусов.

— Жить, — отвечала Алия.

— А что буду делать я?

— Жить.

Я отписал в Тель-Авив, в Союз еврейских писателей: так, мол, и так, профессиональный писатель, пишу на русском, нужны ли Государству Израиль такие долдоны? Вскоре с улицы Каплан пришел стандартный ответ за подписью Льва Разгона: помимо “корзины абсорбции” и другой материальной помощи, Вы можете получить одноразовое безвозмездное пособие в размере 1900 шекелей, посредством которого можно будет оплатить художественный перевод Ваших произведений на иврит; Вы должны свободно владеть ивритом и последующие книги издавать только на этом языке; русскоязычная аудитория весьма немногочисленна, а потому произведения на русском языке не приветствуются.

А какого ответа я ожидал? Хочешь писать на русском — пиши. Только при чем тут Союз еврейских писателей. Благо, еще помощь предлагают.

Короче, я объявил Алие:

— Нечего русскому человеку, тем более литератору, делать в Израиле! Я не поеду...

И мы не уехали. Выражаясь языком пафоса, я сохранил родину. Но потерял семейное благополучие...

... В полдень меня вызвал к себе заведующий отделением. Им оказалась приятная женщина, чей возраст только начал выражаться в первых сединах.

— Смородинов?

— Так точно.

— Как самочувствие?

— Разноцветное.

— Присаживайтесь.

Я присел.

— Ну что, вспомнили свое имя?

— Я и не забывал. Я просто думал, что она шутит. Я и дежурному санитару свое имя назвал, и медсестре.

— Мне по поводу вас уже звонили с телевидения. Ходатайствуют. Интересуются здоровьем.

— Быстро же они узнали.

— Вы, оказывается, человек известный. Тоже журналист?

— Ни в коем случае! — горячо возразил я и, кажется, даже замахал руками.

— А мне сказали, что вы Литературный институт окончили.

— Правильно. Но журналистика и литература — совершенно разные вещи. Журналистика — это...

Я хотел сказать, что журналистика — это ресторанный тапер, а литература — Ростропович, что журналистика — это дискотека, а литература — балет, что журналистика копается в чужом дерьме, а литература — в своем, и это честнее, что журна-

листика убивает литературу и что-то еще в таком же банальном духе, но заведующая меня прервала:

— Среди родственников кто-нибудь страдал психическими заболеваниями?..

... У сварливой жены должен быть глухой муж.

От природы я человек не злобивый, стараюсь избегать всяческих конфликтов. Эти качества жена расценивала как равнодушие.

— Ты равнодушный! Бессердечный! — волновалась Алия.

— Зато я не ругаюсь.

— Да лучше бы ты ругался!..

Ссоры начинались с мелочей. Причем начинала их всегда жена. И не успокаивалась, пока я не выходил из себя. Лишь тогда она умиротворенно спрашивала: “Ты есть будешь?” — “Спасибо! — отвечал я. — Сыт!”

Например, она убирает в туалете за Плюсом (Плюс — это наш кот):

— Все на меня взвалил! Я не знаю, как в других семьях... Ты хоть бы раз за своим любимцем попробовал убирать. Нашел служанку! Стыдно кому-нибудь сказать... На работе — сплошные нервы, так и дома! Си-и-идит за своим компьютером, и больше ничего не надо! Чего молчишь?.. В этом доме я никогда не была хозяйкой. Я — служанка! Принеси — убери — приготовь — постирай! А попробуй сказать слово против — так сразу плохая! Неделью разговаривать не будет! Я не знаю, как в других семьях... Чего молчишь-то?..

— Успокойся, Алия, — вразумляю я. — Ты кричишь громче, чем я слушаю. Послушай лучше, что в Библии сказано...

— Начинается!! Опять Библия! Ты сам хоть что-нибудь можешь сказать?!

— Успокойся. В Послании Иакова говорится: “Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело...”

— Сколько можно?! Одни слова. Одни слова! Иди лучше говно убери за своим котом!..

— “Язык — небольшой член, — продолжаю я цитировать Новый завет, — но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает: и язык — огонь, прикраса неправды...”

— Я не знаю, как в других семьях... У всех мужья как мужья. А у меня идиот какой-то!..

— “Где зависть и сварливость, там неустройство и все худое”.

— Нет, погоди! Вот ты умный такой, Библию читаешь, а живешь-то как?.. Все на меня взвалил!..

— А вот послушай, что сказано в Первом послании к Тимофею...

— Да что ты ко мне со своей Библией пристал?..

(Прямо так и говорит: “со своей Библией”!)

— Разве в Библии где-нибудь сказано, что я должна пахать день и ночь?!

— “Учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии...”

— Да я и так молчу и молчу! Ты мне уже на голову сел! Превратил в служанку!..

— “Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление...”.

— Постирать — я! Приготовить — я! Даже мусор вынести — и то я!.. Свои права ты знаешь, а обязанности?.. У тебя есть хоть какие-нибудь обязанности?! Молчишь?..

— Да послушай ты, ожиревшая сердцем! — начинаю я раздражаться. — Вот, в Послании к ефесянам: “Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви”. Ты слышишь?! “Повинуйтесь своим мужьям, как Господу”!..

— Кому? Тебе повиноваться?! Недостойн!.. Да какой из тебя муж?! Ты когда ножи точишь? Когда крючок в туалете делаешь?.. Ну то, что я одна на базар хожу, — с этим я уже смирилась. Но не могу же я целый день за тобой с тряпкой ходить. Вот, покурил — весь пепел на полу. Вот, чай попил — вся скатерть грязная. Трудно, что ли, убрать за собой?.. Я не знаю, как в других семьях... Тот же Колька твой. Тоже пьет. Пьет. Но жена у него не работает. Нужды ни в чем не знает. А я — и на работе, и дома!..

Чего это она, думаю, Николая Негодника вспомнила?

— Колькина жена, — говорю, — между прочим, родила ему дочь! А ты даже забеременеть не можешь! Нечего сравнивать...

— Да я... Да я... Да от тебя разве забеременеешь?!.. Импотент!

— Кто?! — задыхаюсь я от несправедливости. — Я — импотент?!..

— Ты!.. Пьяница!.. И друзья у тебя такие же! Весь диван обоссали...

— Не тебе их судить! Они — известные писатели!..

— Да, на диван писают...

— Заткнись!.. — в глазах у меня темнеет.

— Ты мне рот не затыкай! Что, правда глаза режет?! А на день Конституции кто обоссался? Кто?! А занавески кто облевал?..

Наконец, я не выдерживаю. Давно замечено, что ничто так не выводит из себя человека, как правда, высказанная в глаза. Клевету стерпеть легче...

— Заткнись!! — ору я. — Заткнись, а то колобаху дам! Ибо сказано, бля, в Послании к ефесянам: “Жена да убоится своего мужа”!.. Всё! Добилась своего! Вывела...

— Ой-ой-ой! Ну иди, напейся. Причина появилась...

— Заткнись, говорю!.. Ты свое уже сделала...

Наступает тишина. Слышно, как тикают настенные часы. Свернувшись калачиком, на софе спит Плюс. Где-то за окном притормаживает машина.

Жена заканчивает уборку, подходит ко мне:

— Ну ладно, чего ты?..

— Убери руки!

— Перестань дуться... Ты есть будешь?

— Спасибо! — говорю. — Сыт!

— Ой-ой-ой! Теперь неделю разговаривать не будет... Ну и ладно!..

... Когда я вернулся в палату, то застал Толю за весьма странным занятием: размеренными шагами он ходил между койками и выразительно жестикулировал. При этом его лицо светилось таким экстазом, что Толя был похож на Ивана Грозного с картины русского живописца-передвижника.

— Ты чего? — спрашиваю.

— Музыку сочиняю, — ответил он и подал мне с тумбочки листок.

На нем было написано, дословно: “МИ — 6 раз, ЛЯ, МИ, ЛЯ, МИ, ЛЯ...” и так далее.

Я сосредоточился и промышал записанные Толей ноты. Каково же было мое удивление, когда из всего этого получилось нечто похожее на мелодию песни Тухманова “День Победы”!

— Ну как? — спросил он.

— Здорова! Чем-то напоминает “Турецкий марш”.

Толя подумал и отвечает:

— Нет. Мендельсон так бы не написал!..

... Ссоры продолжались. Я объявлял бойкот — простой и сексуальный. Алия все более раздражалась.

— Целыми днями тебя дома нет. А придешь — сразу за компьютер.

— Работа у меня такая. И писать я тоже должен.

— Кому нужна твоя писанина?!

— Когда обо мне документальный фильм сняли, ты так не говорила.

— Ой-ой-ой! — всплескивает она руками. — Ты один, что ли, такой?.. Я не знаю, как в других семьях... У всех мужья, как мужья. И работают, и по дому помогают, и жене внимание...

— У меня работа такая.

— Нельзя, что ли, другую найти?

— Другая тебя не устроит по заработку.

— Лучше бы ты вообще не работал! — выдает она.

— Ты уже не знаешь, что сказать!.. Когда я не работал, тебя это тоже не устраивало... Тебе рай построй, так ты и в раю недостатки найдешь! — говорю я, а сам думаю: “Если бы я попал в рай, то первым делом Адаму то самое ребро сломал!”

— Я не знаю, как в других семьях...

— Да сколько семей можно?! “Другие семьи”!.. Я тебе десяток семей назову, где жены работают, а мужья пишут. А я и пишу, и работаю...

— Да че ты там пишешь!.. — иронизирует Алия.

— Пишу... Если ты не мешаешь.

— Я не знаю, как в других семьях...

— Господи! — взмаливаюсь я и унижаюсь до аргументов: — Вон — Сашка Леонтьев. Жена работает, двое детей, а он пишет.

— И ты думаешь, это нормально?

— Нормально! Евгений Борисыч Рейн назвал его лучшим молодым поэтом России. Сашкины стихи хвалил Бродский...

— Вот именно. А твоя писанина — кому нужна?..

Сижу молчу. Чувствую — багровою.

— И к тому же, Сашка не пьет... То есть пьет в меру... На диваны не писается, на занавески не блюет...

— Заткнись!! — ору...

И мы подали на развод. По моей инициативе. В тот же день Алия собралась и ушла к своей матери. А через неделю меня жестоко избили в собственном дворе.

Было около одиннадцати вечера, я возвращался с работы. Вдруг из арки мелькнула тень, и тупой удар в затылок сбил меня с ног. Еще две тени выскочили из сумерек. Я успел только закрыть лицо. Основные удары тяжелой обуви приняла на себя грудная клетка...

Не знаю, сколько времени сознание было без меня. Очнулся я без кожаной куртки и без денег в кармане.

Банальное ограбление, обыкновенный разбой. Если, конечно, считать разбой — обыкновенным делом. Дня за три до этого избили корейца из нашего подъезда. Тоже взяли куртку и деньги. Говорят, какие-то малолетки-наркоманы. Чтоб им передозироваться!..

Я попытался подняться, но резкая боль в груди осадила меня. Кровь на губах слегка запеклась, невыносимо тошнило...

Я оказался в больнице — перелом двух ребер и сотрясение мозга. Алия ежедневно меня навещала. Мы как бы помирились. На развод не пошли. Заявление и Свидетельство о браке и сейчас в загсе...

... Восьмое отделение областного наркологического диспансера занимало второй этаж. Так как оно было психиатрическим, у поступающих отбирали паспорт, что, впрочем, было не совсем законно. Больных не выводили на прогулку, вообще не выпускали с этажа.

Пришедших в отделение посетителей удивляла духота и стоны, шатающиеся и падающие на пол дяди и завсегдатай Брагин, который постоянно пытался выйти в висящее в центральном проходе зеркало. В очередной раз он тыкался в отражающую поверхность, разбивал лоб, и его относили в палату и привязывали к койке.

Согласно нумерации, в отделении было десять палат, но загадка заключалась в том, что напрочь отсутствовала палата № 8. Многие больные отправлялись на поиски этой пропавшей палаты, ходили по этажу с растеряннo-блуждающим взглядом, и в итоге их тоже привязывали к койке.

Медикаменты, что принуждали пить в диспансере, действовали на мозг одурманивающе, они вызывали сонливость и легкость, бездумье и успокоение. Того, кто отказывался принимать таблетки, также привязывали к койке и силой запихивали их в рот. Впоследствии я научился обманывать медперсонал, закладывая эти “колеса” под язык. Выйдя из процедурного, я их выплевывал или отдавал наркушам.

Дурдом, одним словом...

Всех больных я разделил на три категории. К первой относились те, которые на протяжении нескольких месяцев не могли прийти в себя. Они постоянно выглядели пьяными и шатаясь шлепались по отделению. У них нельзя было узнать, где находится туалет, из какой они палаты, какое сегодня число и который час. Они сами этого не знали.

Вторую группу составляли лица, скрывающиеся от милиции или рэкетиоров. Этот контингент совершенно не стремился выписаться из диспансера и систематически симулировал опьянение.

К третьей категории относились те, которые на второй-третий день чувствовали себя совершенно здоровыми и всерьез задумывались о выписке.

Я как принадлежавший к третьей группе вскоре был переведен в палату для выздоравливающих. Она представляла из себя сборище вполне симпатичных алкоголиков.

— Привет! — говорю. — Я к вам.

— Ну вот! — оживился один мужик (его койка была у окна). — Что я вам говорил?! Опять к нам еврея подсаляют! Везде евреи! Даже камни носят еврейские фамилии!..

— Какие? — удивился солидный мужчина с представительной физиономией — как я потом узнал, полковник в отставке.

— “Какие-какие”! — отозвался тот, что у окна. — Талисман, например...

... Я извлек из холодильника бутылку “Старки”. Налил полстакана. Почему-то вспомнился Иван Иванович Маркелов.

Как-то я выпивал в буфете Союза писателей. Стою у стойки, культурно потягиваю “Столичную”. Заходит Иван Иванович — слегка навеселе.

— Здравствуйте, Иван Иванович, — приветствую я.

— Здравствуй, Руслан, — говорит он и чмокает меня в щеку. — Видел последний номер “Нового мира”?

— Нет, — отвечаю.

— Держи, — достает он из дипломата журнал. — Дарю. Здесь мой роман...

Из подсобки выходит буфетчица Ирина:

— Здравствуйте, Иван Иванович!

— Привет, Риша. Мой роман в “Новом мире” опубликовали.

— Да, из волгоградских прозаиков в “Новом мире” только вы и Екимов печтаетесь, — улыбается она.

— Давай по этому поводу... Да не в рюмку!
Стакан граненый есть?

— Найдется... Сколько наливать?

— Риша, ты что, краев не видишь?!. — удивился Иван Иванович...

Я долил “Старку” до краев. Выпил, закусив сырой сосиской. Тут же наполнил стакан снова.

Из динамика звучали стихи Мандельштама. Кто-то читал голосом заговорщика:

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки,
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят...*

В желудке приятно потеплело. Мир изменился к лучшему. Обшарпанные стены стали приветливыми. Казалось, было найдено согласие с космосом. Я ощутил гармоничную причастность ко вселенной. Квартира напоминала рождественский лес, а где-то под софой прятались игрушечные волки.

Что за сила в этой водке? Что за волхование такое? Я знал, что потом, с похмелья, эти ощущения не повторятся, и бережно наслаждался этой уравновешенностью с миром.

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки...*

Что за жизнь такая?.. Тамара завтра уезжает, с Алией живем раздельно. Впереди, выражаясь официальным языком, никаких перспектив. Чем это все кончится?..

Я допил “Старку”, закурил. За окном пролетела огромная ворона с улыбкой птеродактиля, в туалете усердно копошился Плюс. Я закрыл глаза и ощутил движение планеты. Не меняя орбиты, Земля мощно мчалась в пространстве. Меня даже качнуло.

Нужно было что-то делать. Неотвратимо надвигалась мысль о водке. Схожу к жене, решил я...

... Утро в палате начинается с разговоров на политическую тему.

— Довели страну до кружки! — говорит один.
— А всему виной — Америка!..

— Это Колумб виноват, — говорит другой. — Не хрен ее было вообще открывать...

— Во всем виновны евреи!.. — слышится от окна.

— Я бы этих президентов России стрелял через одного! — поддерживает разговор полковник в отставке.

Молодец! — думаю. Сразу видно, генерал политических карьер...

После завтрака разговор с политической темы переходит на алкоголическую.

— Я по пьяни всех люблю, — говорит один. — Даже памятник Серафимовичу.

— А я, когда напьюсь, — говорит другой, — проповедую Житие протопопа Аввакума.

— Со мной после одной попойки случай был, — слышится от окна. — Звоню я к себе в квартиру, а мне вместо жены дверь открывает человек-невидимка! Что, думаю, за еврейские шутки?..

— Ты, наверно, лифт вызывал, — говорю.

— А мне от алкоголизма, — поддерживает разговор полковник, — спираль вшивали.

— Что вшивали? — спрашиваю.

— Спираль...

К вечеру начинается самое интересное — разговоры про женщин.

— Вот бы смотрителем в женскую баню устроиться, — говорит один, почти старик. — Не работа — а видеотека!

— Старая блядь лучше новых пять, — задумчиво говорит другой.

— Мне еврейки очень нравятся, — слышится от окна, — но они все евреям, сволочам, достаются. Везде евреи...

— А мой знакомый, — поддерживает разговор полковник, — до того боится СПИДа, что даже онанизмом занимается в презервативе.

— Правда, что ли?! — оборачиваются к нему присутствующие...

На шестой день, вечером, разговор о женщинах носил особо сексуальную окраску.

Вдруг полковник спрашивает:

— А где Славка?

— В туалет пошел.

— Он больше часа в туалете.

— Пошел до ветру, и ветром унесло, — говорю.

— А кто сегодня дежурит?

— Тамарка, вроде бы.

— Все ясно, — говорит полковник, — он у нее.

Тут в палату вошел Слава.

— Ну, как у тебя с Тамаркой? — спрашивает бывший офицер.

— Что?

— С Тамаркой как?

— С какой еще Тамаркой?! Я с кишечником поссорился...

Уже объявили отбой, но мне не спалось. Я встал и пошел из палаты.

— Куда? — спрашивает у меня полковник. — К Тамарке?

— А почему бы и нет, — отвечаю.

— Она же курносая.

— Лучше, — говорю, — задернутый нос, чем запущенный сифилис...

... Купив бутылку “Кагора”, я пошел к жене. Нас разделяла одна троллейбусная остановка. Осенний ветер пытался пробраться мне под шарф. Я спустился по улице Вагута в частный сектор. Дом тещи ничем особым не отличался от соседних домов. Во дворе залаял Тузик — удивительно глупый и добродушный пес.

Витали дома не оказалось — ушел к однокурснице. Тетя Валя была у соседки. Алия в одиночестве читала Лермонтова.

Открыла мне и — вместо “здравствуй”:

— Ты пьяный?

Она постриглась. Волосы, некогда спадавшие до пояса, теперь слегка касались ее плеч.

Мы расположились на кухне. Тихо гудела газовая печь. На ней блестела жестяная табличка: “Не забудьте открыть шибер!” Что такое “шибер”, я не знал. Подходящая фамилия для главного режиссера Еврейского театра.

Я выставил на стол “Кагор”. Алия достала стопки, разрезала лимон.

— Что, — спросила она ехидно, — уезжает твоя пассия? Кто ж тебя теперь из запоев будет выводить?

Подлинного отношения Алии к Тамаре я не знаю до сих пор. Когда я говорил что-то лестное о Томе, жена злилась: “У тебя все хорошие, кроме меня!” И, тем не менее, часто высказывалась: “Из всех твоих знакомых баб только одна порядочная — Тамарка”. Иногда после бурных страстей спрашивала: “Ты спишь с Тамаркой?”

Я человек до невозможности старомодный — за три года женитьбы ни разу не изменил жене. Друзья надо мной подшучивают: “Руслан преподобный!”

Кроме того, еще в первый месяц после свадьбы я рассказал Алии обо всех своих бывших любовницах, и, если ей приходилось с кем-то из них встретиться, она неизменно старалась их унижить: “По-моему, у Маринки полностью отсутствует чувство меры. Нельзя же так злоупотреблять косметикой!..” Или: “У этой Лариски — лошадиные зубы. Как ты с ней целовался?..” Или: “Ленка такая толстая! Тебе же всегда нравились худенькие...”. И только в отношении Тома она не позволяла себе таких вольностей...

— Когда Тамарка уезжает? — спросила Алия.

— Завтра.

— Провожать пойдешь? Или она не приглашала?

— Приглашала.

— Пойдешь?

— Не знаю... Ты почему ко мне не приходишь? Две недели не была...

— На работе неприятности. Нам теперь план поставили. Кто не выполнит — премии лишают. Попробовал бы сам Осин план собрать!.. Говорит: “Многие водители превышают скорость. Из-за этого случаются аварии. Вот Миронов, он бортанул “Москвич”. Депо оплатило ущерб водителю “Москвича”, у Миронова эта сумма будет удержана из зарплаты”. Представляешь?.. Этот “Москвич” сам на обгон пошел, а платить Миронову! Наше депо еще ни за кого из своих не заступилось. Скорость превышаем!.. А график-то какой?! “Резинить” нельзя — создашь пробку. График нарушишь — опять же без премии... А тут какие-то малолетки мне зеркало на машине разбили. Просто, от нечего делать, взяли и камень бросили. Из-за этого я на

вокзал с опозданием пришла. А там какая-то дура на поезд опоздала, на меня жалобу написала. А в чем моя вина? За что премии лишают?.. Опять же — щетки. Вылетают через круг, а выдают пару на неделю. Хорошо, что мы с Татьяной у слесарей за бутылку водки два десятка взяли...

О работе жена могла говорить до бесконечности. Однажды я даже сказал: “Алия, ты хотя бы раз слышала, чтобы я рассказывал о своей работе? Думаешь, у меня нет проблем?” — “Так почему ты не можешь поделиться с собственной женой? — спросила она. — В других семьях...” — “Не хочу портить тебе настроение. И прошу: огради меня от своей работы. Голова и так пухнет”. — “Я не знаю, как в других семьях... — обижалась она. — И в горе, и в радости — все вместе”...

Алия продолжала что-то рассказывать. Я не слушал. Я пил “Кагор” и злился. Что за жизнь? Чем это кончится?.. В этом мире — или вовне, или в говне. Все дороги ведут в гроб...

Я взял с тумбочки томик Лермонтова, наугад открыл и прочел что-то мучительно актуальное:

И скучно и грустно, и некому руку подать

В минуту душевной невзгоды...

Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..

А годы проходят — все лучшие годы!..

Ой-на ли! Горе мне!.. Тамара уезжает. С Алией живем раздельно. В гости друг к другу ходим!..

А что я хотел? Если живешь беспечно, рано или поздно приходится держать ответ...

— Слушай, Алия! — прервал я жену. — Шма! — перешел я на иврит. — Ани роцэ давар, если так можно выразиться. В чем суть, Алия? В чем суть? Зачем такие слова? Выбрось вон эти глупости! Почему ты не возвращаешься? Ушла и не рачишь...

— Мой дом здесь. Здесь мой сын, моя мама. А у тебя, у тебя я — чужая. Служанка. В твоём доме даже Плюс на меня нападает. Его и кормишь, за ним и убираешь, а он мне сухожилие прокусил!..

— Зачем такие слова, Алия? Посмотри на меня, посмотри на человека, который ждет стройную и уклюжую! Чем я тебе не подхожу? Как говорил Онан, секс в наших руках!.. О чем я говорю?.. Скажи мне, зачем жены пият своих мужей? Чтобы наткнуться на труху? Пойми, Алия, на меня давит мироздание! Я пригвожден к воздуху. В этом мире противоречий я не нашел успокоения... Я искал утешения, а обрел суету. Я строил Эдемский сад, а получил кладбище райских птиц... Я про тебя заскучился!.. Сердце — как через мясорубку прошло, а в мозгах — какая-то щепка застряла... Жена живет отдельно от мужа! Это, извини меня, какой-то “шак эт ха-шофки” получается!.. — я смахнул со стола стопку, она глухо ударилась об пол и закатилась под табурет. — Алия! — закричал я. — Чем я тебе не подхожу?.. Я что, из стручка вылез, что ли?.. Я, можно сказать, пророк! Иначе говоря — божевольник! А тебе все до лампочки Ильича!.. В постели я не ёрзок, а ёбок! Я был любим даже самыми привередливыми бабами! Даже инструкторшой по фи-

гурному катанию... — Меня несло и все больше заносило в сторону: — Я выпрямляю сажень в плечах! Я отпускаю с миром по миру! Реанимирую мертвую тишину! Порю белую горячку! Гоняю лодыря, валяю дурака, сажусь в лужу! Глаза выкапываю!!.

Всё, понял я, разговора не будет. Кончай псалтырить! Не умеешь общаться с женщинами — держи полость закрытой...

Я возвращался домой. Уже давно стемнело. Осенний ветер бесцеремонно пробирался мне под куртку. Шарф куда-то исчез...

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки,
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.*

*О, вещь моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!*

Напьюсь, думал я. Напьюсь! Чтобы не думать... Кстати, “шибер” с древнерусского — “сосед”, кажется. Или это “шабер”?..

... Санитар Максимыч волок по центральному проходу сопротивляющегося пьяного типа. Этого алкоголика, как я понял, только что доставили в отделение, и доставила его, видимо, собственная жена, что находилась тут же и причитала:

— Вася, Вася, ты только не волнуйся. Тебя немного подлечат и всё.

— Суки! — кричал Вася. — Чтоб вам до Пасхи не дожить! Чтоб ваши могилки дворняжка описала!.. А тебе, — обратился он к жене, — я персонально панихиду сыграю. На балалайке!..

Я зашел в туалет, сел на лавку, стоявшую напротив очек, закурил.

— Где мы? — обратился ко мне здоровенный, но пьяный детина.

— Не знаю.

— Ты хоть что-нибудь знаешь точно? — грозно спросил он, обдавая меня перегаром.

— Знаю, — говорю.

— Что?

— Я точно знаю, что если Красная Шапочка несет бабушке пирожки, то у бабушки будут баальные глаза...

И тут в туалет влетел Толя. Он спустил штаны, но вместо того, чтобы помочиться в очко, окатил лавку. Мы едва успели с нее соскочить.

— Ты что?! — заорал на него детина. — Не мог, что ли, до очка донести?!

— Ага, — неожиданно трезво ответил Толя. — Я недоносок...

Возвращаясь из туалета, я заглянул в дежурный кабинет. Там сидела Тамара. Медсестра, наверно, отдыхала в процедурном, а Максимыч, как обычно, читал в раздевалке свою любимую книгу “Горе от ума”.

— Тебе чего, Смородинов? — спросила Тамара.

Ей было около тридцати, максимум — тридцать пять. Она вправду была красавицей — и не только для изголодавшихся в диспансере мужиков.

— Я еще таблетки не пил, — отвечаю.

— Можно подумать, они тебе нужны... Я сама видела, как ты выплевывал их в горшок для фикуса.

— Ничего, фикусу это полезно.

— Иди спать. Я отбой уже давно объявила.

— Не могу. У меня сердце болит. Пульс бешеный, собака.

— Иди, Смородинов, спать. Иди.

— Я ж говорю — не могу. У меня...

— Иди спать, кому сказала! — повысила она голос.

— Ты, Том, красивая и холодная, как скульптура Снежной Королевы.

— Иди-иди. Писатель!..

— С чего ты взяла, что я писатель?

— Листала твою “историю болезни”.

— О-о! Мной интересуются...

— Я смотрю, ты Казановой себя возомнил!.. Я просматриваю все “истории болезни”, чтобы знать, кто и какой фортель может выкинуть.

— И какой же фортель для тебя могу выкинуть я?

— То, что ты мог бы для меня сделать, ты все равно не сделаешь. Не догадаешься...

Ничего себе, думаю, вот и размышляй теперь над ее словами...

— Том, — говорю, — я сейчас принесу кипятильник и чай. Попьем горяченького, — и, не дожидаясь ее согласия, вышел из кабинета...

... Я взял еще пол-литра “Старки” и напился. Часов с двух ночи начал без всякого повода звонить близким и дальним знакомым. Что-то объяснял, кричал в трубку стихи Асеева, даже плакал, кажется.

Потом пытался поймать Плюса, но тот вовремя забился под софу. “Кис-кис-кис”, — кричал я желтым перепуганным глазам.

Затем решил попеть и взял двенадцатиструнку. Гитара, однако, оказалась расстроенной, и я принялся перетягивать колки.

Еще половина струн не лопнула, как кто-то выключил в моем мозгу свет. Я погрузился во тьму внешнюю...

... “Иди-иди. Писатель!” — сказала Тамара, а мне припомнился случай из армии.

Весна. Дальний Восток. Городок на границе с Китаем с сомнительным названием Бикин. Скоро дембель. Я записываю в блокнот какие-то впечатления. И вдруг в каптерку входит подполковник Кирик — замполит полка. (Единственный офицер, который “выкал” солдатам.)

— Смородинов!

— Я!

— Почему не работаете? Вам не поставили задачу?..

Замполит меня невзлюбил еще год назад. Так сказать, по идейным соображениям. Ибо идейных соображений у него было много, а я идейно сообщал слабо. Я просто шел по плацу и вдруг слышу: “Сержант!” — “Я!” — “Ко мне!”

Я подбежал, стою. “В чем дело, сержант? Устав забыли?!” Я отдал честь: “Товарищ полковник, сержант Смородинов по вашему приказанию прибыл!” Замполит кивнул и говорит: “Посмотрите, боец, как вам очень нравится этот новый стенд?” Напротив штаба двое солдат устанавливали наглядную агитацию. Я пригляделся. На белом фоне бронзовой краской изображался Ленин (он чем-то напоминал министра обороны Язова), а внизу красными буквами было выведено: “Ленин — основатель РККА”.

“Как вам очень нравится этот новый стенд, а?”

“Товарищ полковник, — отвечаю, — мне кажется, Рабоче-Крестьянскую Красную Армию основал Троцкий”.

Подполковник нахмурился, внимательно меня осмотрел: “Сержант! Почему не по уставу одеты? Почему форма ушита?!. Немедленно исправить! Кто ваш командир роты?” — “Капитан Коновал”. — “Немедленно исправить! И доложите командиру роты, что я сделал вам замечание!”...

— Почему не работаете? Вам не поставили задачу?

Я молчал.

— Что, перед демобилизацией расслабились?.. Доложите капитану Коновалу, что я сделал вам замечание.

— Есть!

Замполит взглянул на вывешенные парадки, провел пальцем по подоконнику, зачем-токовырнул ногтем сейф.

— Смородинов, а что это вы в блокнот записывали?

— Так... мысли всякие, заметки.

— Зачем это вам?

— Хочу на гражданке повесть написать. Про армию.

— По-овесть??

— Ну, может, рассказ...

— Писатель!.. Армию хотите опорочить?!

— Почему опорочить? Просто рассказать...

— Старшина Смородинов!

— Я!

— Почему не по уставу одеты? Почему форма ушита?!

— Никак нет! Дембеля не ушивают. Не положено...

У Кирика даже глаз задергался:

— Вы, старшина, на скорую демобилизацию не рассчитывайте. Уволитесь последней отправкой...

Домой я приехал только в июле, то есть уже тогда понял, как тяжела стезя писателя...

Я зашел в палату, взял кипяtilьник и чай. Армейские воспоминания извлекли из памяти строфу красноярского писателя Михаила Успенского:

Аты-баты, или солдаты...

Кем солдаты атыбаты?

Кто посмел, ядрена мать,

тех солдат атыбать?!

Сейчас, думаю, эти строки Тамаре прочту. Пусть посмеется.

Возвращаюсь, а Тома — удрученная.

— Что-нибудь случилось? — спрашиваю.

— Мужчина, которого привезли утром, по моему, скоро умрет. Днем у него уже останавливалось сердце, ребята из реанимации откачали.

— Что же они его к себе не забрали?

— Можно подумать, им нужен лишний покойник!.. Этого мужика менты в какой-то траншее нашли. Его надо было сразу в реанимацию везти, так нет — к нам доставили.

— Кто он такой?

— Неизвестно. Он ведь в сознание так и не приходил, а документов при нем нет.

— Я смотрю, люди у вас через день умирают, не реже...

— Ты думаешь, пьянство и смерть далеки друг от друга?

— При чем я заметил, котлеты в столовой у вас тоже через день подают.

— Ты можешь не острить?..

— Я не острю. Это действительно странная закономерность.

В этот момент закипела вода. Я выключил кипяtilьник и заварил чай.

— Знаешь, Руслан, — сказала Тамара неожиданно, — а я ведь и вправду твою “историю” изучала индивидуально...

— Вот!.. А говоришь, что я из себя Захер-Мазоха строю...

— Когда я тебя увидела в отделении, то сразу узнала.

Надо сказать, такие заявления меня никогда не приводили в восторг. Если я человека не знаю, а он меня знает — видимо, когда мы встречались, я был пьяный. А если я был не в том духе, то наверняка вел себя непотребно. И когда чувствуешь, что собеседник знает о твоих чудачествах, о которых ты можешь только догадываться, становится очень неудобно.

— Разве мы знакомы?

— Знакомы, — отвечает Тамара. — В одностороннем порядке. Я видела тебя раза два-три по телевизору. Да и по радио тебя передавали.

— А-а... — говорю я с облегчением.

— Ты хорошо поешь. И у тебя хорошие песни.

— Да, я гений от инфантерии.

— Ты шут.

— Ага, — говорю, — я кукрыникс.

— Ты можешь не острить?

— Думаешь, это легко?..

Тамара достала чашки и разлила в них чай.

— Скажи, — обратилась она ко мне, — эти песни ты сам написал?

— Естественно.

— Так ты еще и композитор?

— Конечно, композитор. Кристоф Глюк.

— С тобой невозможно разговаривать...

Нависла тягостная пауза. Я пил чай и любовался Тамарой.

— Чего ты на меня так смотришь? — спросила она.

— Красивая ты. Очень.

— Повело писателя!.. — хмыкнула Тамара. — Ты еще скажи, что у меня щеки, как персики, а груди, как грозди винограда.

— Что за банальщина?.. Твои груди напоминают мне египетские пирамиды...

— Такие же большие и древние?

— Такие же загадочные... Я буду прямолинеен. Как царь-пушка. Ты меня привлекаешь в сексуальном плане.

— Мне Галина Альфредовна говорила, что ты хам. Но не до такой же степени!..

(Галина Альфредовна — королева, принимавшая меня в отделение.)

— Какой же я хам? — спрашиваю. — Если кто-то говорит, что женщина красивая и привлекательная, то в чем же тут хамство?

— Не прикидывайся дурачком.

— А чего мне им прикидываться? Я и есть дурак по жизни. Мне все время твердят: “Ты дурак, ты дурак...” Вот я и дурак. Идиот. Князь Мышкин!

— Чего ты завелся-то? Чего?.. Мало ли кто и что твердит... А ты не слушай. Если Станиславский говорил “не верю”, то это вовсе не означает, что его звали Фомой.

— Ты, случайно, сама прозу не пишешь? — спрашиваю.

— Я — врач.

— Слушай, Том, а почему тебя потянуло именно в наркологию?

— Из-за бывшего мужа...

— То есть?

— Неважно.

— Расскажи.

— Тебя это не касается, — отрезала Тамара. — Ты сам-то женат?

— Нет.

— Скоро тридцать — и не женат?..

И тут в кабинет вошел Максимыч:

— Тамара, этот, из второй палаты, кончился.

— Вы там без меня сделайте всё, — чуть слышно произнесла Тома. — Не могу я больше...

— Хорошо... Руслан, если я попрошу, поможешь?

— Какие вопросы...

... Проснулся я около десяти. На полу. Во рту — как будто сунс нагадил и сразу сдох. Бодун неудержимо крепчал. Пустая бутылка из-под “Старки” навевала грусть.

Так, подумал я, к “Агентству” успею. Да еще и на “подлечиться” есть время...

Вышел я на “Комсомольской”, зашел в кафе “Уют”. Несмотря на раннее время, зал был переполнен. Угрюмые люди теснились возле стойки. Достигнув цели, они отходили к столикам. Сто пятьдесят-двести граммов водочки — и ты воскресаешь. Хмарь и сумрачность сходят с лица. Продолжая себя убивать, люди на время оживают...

Я взял сто пятьдесят “Столичной” и стакан минеральной — еда в рот не лезла. Напротив меня за столиком устроился какой-то бомж с запекшейся ссадиной на носу.

Я отпил грамм сто, огляделся.

— Не гляди, — сказал мне бомж.

— Что? — не понял я.

— Не гляди, — повторил он, — тута глядеть нечего.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Ты, эта, не гляди, что у меня нос расшиблен. Это я из машины выпал.

— Ты что, кабачок, что ли, — из машины выпадать?

— Ты, эта, возьми мне грамм сто...

— И компот?

— Возьми мне грамм сто, а я скажу тебе тайну.

Я дал денег, и бомж посеял к стойке. Клубы табачного дыма подымались к потолку. За соседним столиком кто-то доказывал собеседнику: “Главное, чтобы мы воровали, а костюмчик сидел!..”

Вернулся бомж. Выложил на стол карамельку, стакан оставил в руке.

— Будь здоров! — сказал он и, морщась, опорожнил стакан.

— Закусывай, — указал я на конфетку.

— Успею еще.

— Ну, рассказывай тайну.

— Что? Тайну? Какую, эта, тайну? Ах, тайну!.. А тайна в том, что ты угостил хорошего человека!

— Изю-юмительно! — говорю.

Я закурил. Водка приятно распространялась по телу. От соседнего столика доносилось: “Дима, ты дай мне небо, небо дай мне! И я вознесусь...”

Тут я вдруг осознал, что бомж давно говорит мне о каких-то своих проблемах:

— ... Опять же — нервы. Меня в детстве, эта, сосед напугал. Подошел, козел, и говорит мне: “Мальчик, а ты знаешь, что умрешь?” Я, эта, естественно, испугался: “Как? Когда?” А он и говорит: “Рано или поздно умрешь. Состаришься или заболеешь — и умрешь. И не будет этого солнышка, этой травки. Ничего не будет. Ты умрешь, мальчик!” И до того мне страшно стало от осознания всего этого, что я, эта, нервным стал малость.

Я допил водку и снова направился к стойке. Бомж увязался за мной:

— Ты, эта, возьми мне грамм сто пятьдесят...

— И ты мне тайну поведаешь?

— ... А закуски не надо — у меня карамелька есть.

Я взял два по сто пятьдесят. Стало душно. Пришлось расстегнуть куртку.

Бомж заметно опьянел. Сперва он затих, а потом вдруг стал на меня кричать:

— Что, денег много?! Водку жрешь! Жируешь! А кто будет заводы подымать? Кто будет у станка стоять? Эта, Пушкин?!

— Ты чего? — удивляюсь.

— Ты мне не “тыкай”! Для тебя я — Владимир Андреевич. Понял?! Тунеяд! Я — всю жизнь у станка, а ты водку жрешь! Откуда у тебя деньги? Воруешь?! А ну, эта, давай сюда деньги!..

Я зло расхохотался. Затем сказал:

— Шма, тошнотик! Иначе я начну делать огорчение... Об чем суть? Какого Иблиса ты берешь на голос? Не надо такие слова, иначе во мне родится быдлофобия... Че моргаешь? Ежели у тебя слабые уши, поверни ко мне раковину — я прокричу в перепонку... У меня смердит душа и плоть скорбит, но я тих и ясен. Потому как держусь в рамках благовоспитанности. Понял, пешеход?.. Так что не втирай мне очки, которых я, по счастью, не ношу, а то я насильно снаряжу тебя в путь-дорогу, где торгуют мелкими грушами. Вон, поглощай пойло и воздай мне здравицу...

Глаза бомжа расширились до ненужных размеров. Он тяжело сопел.

— Пей, пей, — повторил я, — промочи нёбо, чтобы пищевод не склеился...

Реакция подвела меня. Брошенная бомжом солонка угодила мне в лоб.

Я отшатнулся влево, но наступил на что-то скользкое и упал. И уже на полу я все понял. Я понял, что этот невзрачный, нервный бомж виновен во всех моих бедах. Что из-за него уезжает Тамара, что по его вине от меня ушла жена. И, безусловно, он повинен в том, что сегодня я начал день с водки...

Несмотря на похмелье, в теле обнаружилась легкость. Я бросился на бомжа. Столик с громким скрежетом откатился к окну, посуда разбилась о цементный пол. Казалось, я оглох от собственного ора: “Разорву!!”

Барменша уже кричала в телефонную трубку:

— Алло! Милиция! Это кафе “Убьют”... То есть “Уют”. Пришлите скорее наряд! У нас пьяная драка! Ужас какой-то...

... Тело покойника было еще теплым. На губах застыла светло-коричневая пена. Я связал ему руки и ноги, стянул подвязкой рот. Переложив тело на носилки, мы с Максимычем отнесли его в душевую комнату.

— Завтра праздник, — сказал санитар. — Морг, наверное, будет закрыт. Завоняет, к черту...

Тщательно вымыв руки, я вернулся к Тамаре.

— Ну как? — спросила она.

— Порядок.

— Да какой же это порядок?! — внезапно разразилась Тома. — Разве смерть может быть порядком?!

— Успокойся, — говорю. — Мы-то тут при чем?

— При чем! Как раз — при чем! Каждый из нас в ответе за смерть другого.

— За всех отвечать — жизни не хватит.

Тамара молчала.

— С твоей эмоциональностью, — обратился я к ней, — нельзя работать врачом. Тем более — в наркологии...

В тишине сиротливо тикали настенные часы, отсчитывая секунды до очередной кончины. Тома достала из стола лист бумаги и написала: “Свидетельство о смерти”. Ее рука дрожала, почерк выходил по-детски неестественным.

— Проклятие!.. — Тамара бросила авторучку на стол. — Вся жизнь с привкусом мускатного ореха... — она посмотрела на меня и скорбно улыбнулась. — Знаешь, я вышла замуж еще на третьем курсе мединститута. За однокурсника. Он уже тогда много пил. Но после свадьбы его запой стал непрерывным. Из института его исключили. Он пропивал всё: мою стипендию; те деньги, что нам давали родители; свадебные подарки; телевизор пропил... Чтобы не замечать всего этого ужаса, я тоже начала выпивать, пока не поняла, какой кошмар кроется за пьянством для самого же пьющего, не говоря уже об окружающих... Вскоре у него начались галлюцинации. Ему казалось, что по стенам ползают крысы, что во рту у него растут волосы... Однажды он меня избил. Очень жестоко. Ногами. На следующий день плакал, просил прощения, но, когда напился, все повторилось заново... Я ушла к родителям. Мама уговаривала меня подать на него в суд... Через месяц мы развелись...

Тамара замолчала.

Меня поразило ее поведение. Чего это, думаю, она передо мной разоткровенничалась? Кто я для нее?..

— И где он теперь? — спрашиваю.

— После развода уехал в Хабаровск на заработки. Его туда армейский друг позвал. Больше ничего о нем не знаю. Но думаю, что если не бросил пить, то ничего хорошего в его жизни не произошло...

— Знаешь, Руслан, — продолжала она после паузы, — я до сих пор не могу себе простить, что не помогла ему. Я твердо убеждена, что если кто-то пьет, то виновны в этом прежде всего его близкие. Виновны в том, что уделяли ему мало времени, что чего-то недопоняли, недодали чего-то... Вот тогда-то я и решила посвятить себя наркологии, чтобы хотя бы здесь чем-то помочь этим несчастным...

В горле у меня застрял ком. Совершенно произвольно я погладил ее руку и произнес сдавленным голосом:

— Хорошая...

Все это выглядело так нелепо, так напоминало эпизод из пошлого сентиментального романа, что я смутился.

Чтобы как-то сгладить свою неловкость, я спросил:

— Дети у тебя есть?

— Какие могут быть дети от алкоголика?
— Да, конечно...
— Извини, Руслан, мне нужно побыть одной. Иди, пожалуйста, спать.
— Какое “спать”? Скоро уже подъем.
— Иди... прошу тебя... Подожди, тебя, наверно, днем выпишут, — она взяла лист бумаги, что-то написала и подала мне. — Это мой адрес. Мы с тобой живем неподалеку. Зайди ко мне как-нибудь.
— Ты думаешь, я чем-то лучше твоего бывшего мужа?
— В тебе есть какое-то внутреннее благородство. У тебя ранимая душа, которую ты пытаешься скрыть за остроумиями и шутками.
— С чего ты это взяла?!

— Со временем я научилась разбираться в людях. От меня трудно что-либо утаить... К тому же это все содержится в твоих песнях.
— Первый раз вижу женщину, которой нравятся мои песни. Обычно их считают похабными.
— Те, кто так думают, ничего не понимают... Ханжество — это всего лишь одна из сторон тупости.
— Тебе и вправду надо заняться литературой, — говорю. А сам думаю: если кому повторю ее слова, скажут, что я сам это выдумал. Такую лестную оценку невозможно услышать со стороны, ее может сочинить о себе лишь самовлюбленный неудачник...
— Иди, Руслан.
— А поцелуй на прощание?
— Не нужно... Мой адрес у тебя есть. Буду ждать в гости. Придешь?
— Обязательно... Но все-таки, может, поцелуемся?
— Иди... Не мучай меня... — на ее щеках появились влажные жемчужины.
Женских слез я никогда не мог переносить. Они вызвали в моем сознании какое-то помрачение... Я поспешно вышел из кабинета...
Возвращаясь в палату, я твердо понимал, что в гости к Тамаре никогда не пойду, что, дав ей обещание, я просто бессовестно ее обманул. Зачем нарушать эту, пусть и кратковременную, но гармонию? Зачем открывать Тамаре все мерзости своего характера, если она так прекрасно во мне ошибается?..

А может, вовсе и не ошибается?.. И в тот момент я все понял. Даже разозлился вначале... Кого она хотела провести?!

Тамара не ошибается. Это — как бы лучше выразиться? — святая ложь. Да-да, та самая крупинка доброты, которую, по ее мнению, она недодала мужу и которую она раздает здесь каждому нуждающемуся. А может, и про мужа она все выдумала?..

Ай-ай-ай, Томочка, психотерапия для идиотов... Я — идиот... Князь Мышкин... Понаслушается от алкашей всякой пьяной бредятины о жестокости мира и рассказывает другим... Все вокруг виноваты, а пьяница не виноват. Жертва обстоятельств. Тьфу!..

Когда я вошел в палату, мои размышления прервал сонный голос полковника:
— Ну, как Тамара?
Я молча подошел к своей койке и лег.
— Расскажи подробности, — не утомившись он.
— Я спать хочу, — говорю.
— Ну-ну... — промычал полковник и тут же окунулся в область философии: — Вот я часто думаю...
Надо же!..
— ... в чем смысл жизни? Для чего она нам дана?
— Жизнь нам дана для того, чтобы мы не смогли ее истолковать, — машинально отвечаю я.
— Не-е-ет. Я могу ее истолковать. Вот ты знаешь, почему не видать нам счастья, как своих ушей?
— Наверно, потому, что уши далеко от глаз.
— Не-е-ет, не в этом дело. Дело в другом, и я даже хочу написать философскую новеллу о смысле жизни. Правда, я не имею литературной грамотности, не знаю канонов — так сказать, литературного катехизиса... Вот ты — писатель...
Начинается!..
— ... ты — писатель. Научи меня, как пишется рассказ?
Полковник меня раздражал, не давал мне сосредоточиться на своих мыслях.
— “Рассказ” пишется с двумя буквами “с”, — говорю я довольно грубо. — Я спать хочу!
— Ну-ну...
Мне не спалось. Ничего себе, думал я, провел ночь с женщиной. Казанова хренов! А еще считал себя опытным повесой. Хочешь убить в мужике любовника — скажи, что он хороший и несчастный... Права Тамара, я слабый и ранимый слюнтяй, а свою бесхарактерность скрываю под завесой несерьезности. Шут я и паяц! Нацепил маску клоуна и думаю, что решил все проблемы. Размечтался! Идиот. Дерьмо...
Днем меня выписали. Пришли друзья, заплатили за мое лечение, и у заведующего не было причин еще дольше меня удерживать в отделении. Жизнь потекла в прежнем русле — по течению...
... Не всё свинье каштаны!
Милиция приехала чересчур быстро. Причем бомжа отпустили, а меня втолкнули в УАЗик.
Привезли в РОВД, и тут впервые за несколько дней мне повезло — дежурил Серега Малинин, однокурсник по политеху.
Он вроде бы даже обрадовался:
— А-а, Руся! Какими судьбами?
— Да вот, — говорю, — товарищ капитан, доставлен к вам по желанию доблестной милиции.
Малинин выглядел важно. Новенький китель, какой-то значок. На столе папочки, радиотелефон “Панасоник”.
Когда-то мы с Сергеем почти дружили. Вместе выступали в областных математических олимпиа-

дах, вместе занимались спортивной гимнастикой, вместе пили за шестиметровый прыжок Бубки, но влюблялись в разных женщин.

— Что это за сержант, который меня привез?
— спрашиваю.

— А в чем дело?

— Да вот, — говорю, — требовал, чтобы я перед ним карманы вывернул, а я отказался. Обещал устроить мне “чудное мгновение”.

— А-а! Это он умеет, — засмеялся Малинин.
— Молись, что тебя забрали в мое дежурство.

— Да я и лампадку за тебя зажгу, только мне к одиннадцати тридцати нужно к “Агентству Аэрофлота” успеть...

— Успеешь... — успокоил Серега. — Ты, говорят, писателем заделался.

— Да так, пишу помаленьку...

— В Москве, говорят, учился на этого самого писателя.

— Учился...

— Что, одного диплома мало?

— Маловато... Серый, одна очень близкая моя знакомая уезжает за границу. Я должен успеть к “Агентству”...

— Успеешь... Шас я протокол составлю, штраф заплатишь — и свободен.

— Штраф?

— Штраф, — он посмотрел на меня своими добрыми глазами. — А ты как думал?.. Штраф за мелкое хулиганство. Сам понимаешь — план. И молись, что я дежурю, иначе до завтра был бы в камере. Придешь ко мне двадцать седьмого - ущерб за битую посуду возместишь. Шас повестку выпишу...

... Где-то через неделю после выписки я пошел к Тамаре. Я не знаю, что такое счастье, но думаю, это тогда, когда все получается. В тот вечер у меня все получалось. Как говорится, я был в ударе.

Началось с того, что Тома была дома. И даже обрадовалась мне. Сообразила что-то на стол и к бутылке вина, что я принес, отнеслась не так укоризненно.

В тот вечер я много шутил. Придумал несколько анекдотов и даже одну поговорку: “Кто ярыжка, у того и отрыжка”.

— Что такое “ярыжка”? — смеялась Тома.

В тот вечер я много пел. Голос на удивление был чист, силен и послушен. Пел не только свое, но и розенбаумовские и денис-давыдовские романсы.

Я уеду, уеду, уеду,

— тянул я, —

*Не держи, ради Бога, меня, —
По гусарскому звонкому следу,
Оседлав вороного коня...*

В тот вечер я много хвалился, и себяславление вполне гармонировало со скромностью, то есть было талантливым. И, наконец, я почти не врал, а это в присутствии женщины со мной случалось редко.

Чувствовалось, я все больше нравился Томе. А она все больше нравилась мне. Ее каштановый волос пах ландышем...

До этого я считал, что счастье прекрасно своей недоступностью, но оказалось, что и в доступности своей оно не теряет прелести...

... Если ты встал не с той ноги, не верь ногам своим! — утешал я себя. Ты обязательно успеешь, и все будет хорошо.

Оставалось минут десять. Напротив рынка я купил три гвоздики. Проходя мимо гастронома, опустил их в урну. Что за банальность — дарить женщинам цветы?..

Тома-Томочка! Ты уезжаешь, и мы, видимо, никогда больше не увидимся... Как же так? Почему все так вышло? Почему мы ни разу не говорили о женитьбе? Почему я не заговорил об этом?

Думал, что туда, куда опоздал, всегда успею. Не хотел разрушать этого зыбкого счастья? Не хотел, чтобы в наши отношения вклинивался быт?.. Да. Наверно. Ведь я ни разу не слышал от Тамары грубого слова в свой адрес...

Я зашел в телефонную будку, опустил жетон, набрал номер.

— Диспетчер четвертого троллейбусного депо слушает, — отозвались в трубке.

— Скажите, Смородинова сегодня работает?

— Работает. Она на линии.

— Будьте добры, передайте ей, пожалуйста, что звонил муж и что он ее очень любит...

Я остановился возле ларька “Горячие сосиски”. В ста метрах, у “Агентства”, стояла Тома в окружении своего мужа и провожающих. Она смотрела по сторонам. Может быть, искала меня взглядом.

Я зашел за ларек, сел на какой-то ящик. “Бог мой! Бог мой! — шептал я, раскачиваясь из стороны в сторону. — Бог мой!..” Сердце молотило, как хороший паровой агрегат.

За что? За что мне все это?.. Кто я? Зачем я?.. Надо напиться. Немедленно!

Я встал и пошел прочь. Ветер забирался под куртку и усугублял мое сиротство. Напьюсь, решил я, и засну в ботинках!..

Прохожие не замечали моей согбенной фигуры. Я шел, ежась от ветра. Какой-то тучный мужик толкнул меня плечом и, не извиняясь, пошел дальше.

И вдруг ветер утих, и неведомая сила согрела мое нутро. Видимо, Тамара посмотрела мне вслед...